

А. И. Деникин

Очерки Русской смуты

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Деникин**
Очерки Русской смуты: Том 4 / А. И. Деникин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 302 с.

ISBN 978-5-517-99871-2

ISBN 978-5-517-99871-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Крушеніе Германіи и его ближайшія послѣдствія для Россіи.

Эпилогъ міровой войны вызвалъ глубокіе сдвиги въ ходѣ русской смуты.

Паденіе центральныхъ державъ — неизбежно, намѣчавшееся давно уже цѣлымъ рядомъ зловѣщихъ признаковъ, явилось все же неожиданнымъ по своей стремительности и катастрофическимъ размѣрамъ. Не только реальныя послѣдствія его, но и сама грандіозность событія ошеломили и побѣдителей, и побѣжденныхъ, и тѣхъ, что стояли уже за сценой міровой трагедіи, но были еще связаны прочными цѣпями съ одной изъ сторонъ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ окончанія войны мы станемъ, поэтому, свидѣтелями крайней неустойчивости и непопятныхъ на первый взглядъ противорѣчій въ политикѣ державъ-побѣдителей. Мы увидимъ также, что тѣ скрѣпы, которыя въ 1914 году искусственно связали міръ въ два взаимно враждебныхъ лагеря, начинаютъ понемногу рушиться, и пути народовъ расходятся вновь. Что, наконецъ, въ нравственный обликъ чело-вѣчества конецъ борьбы не внесъ умиротворяющаго начала, но углубилъ еще болѣе послѣдствія войны и революцій: безбрежную ненависть, разлившуюся по всему свѣту, и бездонный эгоизмъ — государственный, классовый и личный.

Измѣнились «театры», средства и способы, но сама борьба не стихла.

* * *

Наиболѣе разительныя противорѣчія въ этотъ періодъ являютъ собою жизнь Россійскаго государства.

Въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ отъ Балтійскаго моря до Азовскаго стояла сплошная стѣна нѣмецкихъ штыковъ, отдѣлявшая 19 губерній¹⁾ отъ совѣтскихъ владѣній. По одной сторонѣ этого рубежа шло неприкрытое расхищеніе или балканизація російской территоріи и тяжелая экономическая эксплуатація ея. Но жизнь и достояніе населенія находились тамъ подъ защитой чужеземной власти, поскольку впрочемъ... полевая юстиція и широкія реквизиціи не попирали права.

По другой сторонѣ бушевала анархія...

Нѣмецкій кордонъ, создавая тѣсную блокаду совѣтской Россіи, отрѣзал ее отъ морей, житницъ и угля, ставилъ въ весьма тяжелое положеніе всю политико-экономическую жизнь страны. Но онъ имѣлъ и нѣкоторыя положительныя стороны для совѣтовъ: присутствіе нѣмцевъ и договорныя отношенія съ ними обезпечивали совѣтскіе предѣлы отъ вторженія съ запада какой-либо иной враждебной вѣшной силы²⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ районѣ оккупации не допускали сколько-нибудь серьезной организаціи противобольшевнцкихъ элементовъ. Ав-

¹⁾ Не считая Польши и Финляндіи.

²⁾ На Западномъ фронтѣ для наблюденія большевики держали не болѣе 15 тысячъ шт., отъ Покова до Минска.

стро-нѣмецкая оккупация давала совѣтамъ «передышку», столь необходимую, въ виду надвигавшейся съ Востока и Юга опасности.

Пораженіе центральныхъ державъ должно было въ корнѣ намѣнить это положеніе.

И по одну, и по другую сторону «стѣны» возникла продиктованная, гдѣ надеждой, гдѣ страхомъ, увѣренность въ томъ, что измѣнятся лишь внѣшнія декорации; что австро-германцевъ смѣнятъ союзники, и военно-экономическая блокада совѣтской Россіи приметъ отнынѣ характеръ активной интервенціи. Русская общественность видѣла въ такой постановкѣ вопроса естественное продолженіе борьбы и морально связывающихъ союзническихъ отношеній, видѣла и существенные интересы самихъ державъ Согласія, для которыхъ распространеніе большевизма представляло прямую и явную угрозу. Такъ же думали и большевики: «опасность велика — говорилъ Троцкий — (тѣмъ болѣе), что у союзниковъ руки развязаны... Вся исторія сейчасъ, какъ въ одномъ комкѣ, сгустилась для насъ въ этомъ вопросѣ...»¹⁾. Но не только мотивы чисто умозрительные поддерживали это убѣжденіе: оно основывалось на письменныхъ актахъ державъ Согласія и, какъ увидимъ ниже, на официальныхъ заявленіяхъ ответственныхъ ихъ представителей.

29 октября Германія приняла условія перемирія, продиктованныя ей побѣдителями. Въ части, касающейся Россіи, Согласіе потребовало: отхода австро-германскихъ войскъ Восточнаго фронта на государственную границу 1914 года, не опредѣляя, однако, срока; эвакуаціи портовъ Чернаго моря, съ выдачей союзникамъ всѣхъ судовъ и портовыхъ матеріаловъ — германскихъ, нейтральныхъ и русскихъ; аннулированія Брестъ-Литовскаго договора; возвращенія русскаго золотого запаса²⁾; обезпеченія свободнаго прохода союзнаго флота черезъ Категать въ Балтійское море. Черезъ два дня общія условія перемирія были нѣсколько измѣнены въ пользу Германіи, причемъ отпущеніе областей, «принадлежавшихъ передъ войной Россіи», было отложено до того момента, когда союзники признаютъ его возможнымъ, сообразно внутреннему положенію этихъ областей. Нѣмцы обязывались лишь прекратить реквизиціи и иныя принудительныя мѣры, имѣвшія цѣлью «добыть вспомогательныя средства въ Россіи», и открыть свободный доступъ союзникамъ на востокъ черезъ Двингу и Вислу «для обезпеченія населенія продовольствіемъ и поддержанія порядка».

Насколько серьезны были первоначальныя намѣренія союзниковъ въ этомъ отношеніи, русская общественность не отдавала себѣ яснаго отчета. Но отовсюду — изъ западныхъ областей, съ Украины, съ Юга и изъ Крыма отъ правительственныхъ круговъ, общественныхъ и политическихъ группъ, всѣми доступными путями текли просьбы къ союзникамъ объ интервенціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ оставленіи въ оккупированныхъ областяхъ германскихъ войскъ впредь «до с м ѣ н ы ». Эти пожеланія раздѣлялись отчасти и германскимъ командованіемъ на Востокѣ, хотя бы по техническимъ соображеніямъ: оно стояло передъ стихійнымъ папоротомъ солдатской массы, стремившейся вернуться домой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ полнымъ разстройствомъ — временами параличомъ — транспорта: на Востокѣ — отъ общаго неустройства, соціальной и экономической распри, повстанчества и бандитизма; въ Германіи — отъ первыхъ потрясеній революціи и хлынувшей съ фронта трехъ-милліонной арміи, затопившей всю желѣзнодорожную сѣть страны. Въ результатѣ, главная нѣмецкая квартира въ Кіевѣ давала успокоительныя завѣренія делегаціямъ кіевского населенія, что германская армія «не покинетъ края, такъ какъ явилась она сюда не для завоеванія, а по приглашенію украинскаго народа для его защиты...» И въ то же

¹⁾ Докладъ въ Воровежѣ 5/13 ноября 1916 г.

²⁾ 27 ноября 1918 г. 320 милліоновъ рус. золотого запаса поступило въ Banque de France. Впослѣдствіи это золото раздѣлено и удержано англичанами и французами «въ обезпеченіе русскаго долга».

время въ приказѣ войскамъ опредѣлялся порядокъ начавшейся уже эвакуаціи — первоначально Крыма — съ требованіемъ сохраненія войсками дисциплины и порядка, безъ чего невозможно благополучное возвращеніе ихъ на родину... А злополучное украинское правительство, для котораго уходъ нѣмецкихъ войскъ знаменовалъ приближеніе конца, чтобы успокоить возбужденіе нѣмецкихъ солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снискать расположеніе союзниковъ, вынуждено было говорить, скрывая свое тяжелое положеніе: «слухи, будто правительство предпамѣренно задерживаетъ отправку германскихъ войскъ на родину... настолько бессмысленны, что только злопамѣренность могла ихъ придумать. Украинская держава ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть заинтересована въ удержаніи на своей территоріи германскихъ войскъ...»¹⁾.

* * *

Отношенія совѣтской власти съ официальной Германіей долго оставались неопредѣленными. Въ октябрѣ берлинская полиція обнаружила въ багажѣ приѣхавшаго совѣтскаго представителя тюки прокламацій, призывавшихъ нѣмцевъ къ убійствамъ и террору. Только тогда нѣмецкое правительство рѣшилось, наконецъ, принять мѣры въ отношеніи «русскаго посольства», гдѣ подъ защитой экстерриториальности велъ разрушительную работу тѣсный комплотъ русскихъ большевиковъ, нѣмецкихъ спартаковцевъ и «независимыхъ». «Большевицкій ядъ — говоритъ Гельферихъ — черезъ русское посольство былъ привитъ нѣмецкому народному организму. Въ благодарность за спасительную помощь, оказанную нашимъ правительствомъ большевизму, онъ отблагодарилъ организацией революціи въ Германіи, несомнѣнно способствовавшей нашей катастрофѣ». Это довольно распространенное мнѣніе страдает, конечно, большой односторонностью: какъ весной 1917 года не одно только нѣмецкое золото послужило причиной распространенія въ Россіи большевизма, такъ и въ концѣ 1918 года не одна только агитація Юффе и его сподвижниковъ вызвала возстаніе спартаковцевъ...

Отношенія съ совѣтами были порваны. Германское правительство потребовало отъѣзда изъ Германіи въ 24 часа всѣхъ находящихся въ Берлинѣ «русскихъ официальныхъ лицъ» и одновременно отзывало своихъ представителей изъ Москвы. Это выступленіе побѣжденной уже Германіи все же произвело въ Москвѣ извѣстное впечатлѣніе, и Чичеринъ предостерегалъ «всѣхъ воепкомовъ, командировъ и совѣты»²⁾, что «хотя нѣтъ признаковъ, заставляющихъ ожидать военнаго выступленія германцевъ, но слѣдуетъ быть наготовѣ, на случай всякихъ неожиданностей со стороны Германіи...» Въ то же время изъ Москвы по всѣмъ направленіямъ передавались призывы къ «нѣмецкимъ товарищамъ» — свергнуть «правительство принцевъ (Максъ Баденскій), капиталистовъ и предателей... Шейдемановцы съ Эрихбергеромъ продадутъ васъ... Они договорятся съ англійскими и французскими капиталистами о разоруженіи... и тогда обратятъ васъ въ рабовъ. Только съ оружіемъ въ рукахъ вы захватите власть въ свои руки и образуете рабоче-солдатско-матросское правительство съ Либкнехтомъ во главѣ...»³⁾.

27 октября разразилась въ Берлинѣ революція, и власть въ Германіи перешла къ директоріи (по 3 члена отъ соц. - демократ. большинства и независимыхъ), во главѣ съ Эбертомъ. По образцамъ, выработаннымъ русской революціей, повсюду въ странѣ — въ городахъ, гарнизонахъ, на фронтѣ — возникли совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Въ Берлинѣ образовался главный совѣтъ, выдѣлившій изъ своего состава центральный исполнительный комитетъ изъ 27 членовъ. Совѣтъ и комитетъ дѣлали попытки правотворчества и декларированія

¹⁾ Официальное сообщеніе 26. XI. 18.

²⁾ Радиопрамма 24 октября № 1090..

³⁾ Радиопрамма отъ 28 окт.

максималистскихъ принциповъ, но, тѣмъ не менѣе, признали исполнительную власть директоріи.

Нѣмецкая революція возбудила въ совѣтскомъ станѣ безграничныя надежды. Волны радіо несли изъ Москвы «восторженныя привѣтствія», «оплакивали жертвы, павшія въ священной борьбѣ» и были полны такой плакатной пошлости и такого неприкрытаго эгонстическаго ликованія, что произвели, вѣроятно, гнетущее впечатлѣніе въ поверженной страдѣ, переживавшей свой національный трауръ. Откликнулся берлинскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, но съ нимъ невозможно было технически установить прочную связь. Правительство же Эберта-Гаазе, «стоя на основахъ нормальныхъ правовыхъ взаимоотношеній», явно уклонялось отъ близкаго общенія съ московской властью, подъ предлогомъ оскорбленія германскихъ консуловъ Москвы и Петрограда, съ которыми совѣтъ комиссаровъ, «какъ съ представителями Гогенцоллерновъ», отказался продолжать сношенія. А главное — германское правительство подчеркивало, что оно «не въ состояніи устранить тѣ препятствія, которыя могло бы встрѣтить на пути своего возвращенія русское посольство (Лоффе) ...»¹⁾.

И московское радіо начало мало-по-малу мѣнять ликующій тонъ своихъ сообщений. Посыпались жалобы «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», что «русское правительство стремится вступить въ связь съ товарищами новаго германскаго государства, но тщетно, несмотря на искренне выраженное желаніе берлинскаго рабочаго народа ...» Просьбы, встрѣчаемыя съ недовѣріемъ, «установить прямой проводъ Ковно — Берлинъ, во избѣжаніе кровавыхъ столкновеній въ оккупированныхъ областяхъ ...» Щедрые посулы — въ уплату за возобновленіе дипломатическихъ отношеній: «... Два поѣзда съ зерновыми продуктами стоятъ наготовѣ для трудового нѣмецкаго народа ... И это только лишь начало ...»²⁾. Пресловутые «два поѣзда» въ совѣтской политикѣ считались, очевидно, золотымъ ключомъ къ сердцу германскаго народа, такъ какъ о нихъ говорится въ нѣсколькихъ телеграммахъ Чичерина, наряду съ предложеніемъ другого важнаго предмета экспорта: Чичеринъ просилъ также о пропускѣ въ Берлинъ «всѣхъ представителей московскаго совѣта нѣмецкихъ солдатскихъ депутатовъ», и безпрепятственнаго распространенія въ странѣ «документовъ, изготовленныхъ въ Москвѣ ... нѣмецкимъ революціоннымъ солдатствомъ ...» Нетерпѣніе совѣтскаго правительства было такъ велико, что уже на 9-й день германской революціи московское радіо не могло оборотъ его: «Скорбь, раздраженіе усиливаются отъ доходящихъ до насъ свѣдѣній, что нѣмецкіе революціонные рабочіе и революціонные солдаты не пытаются вовсе проявить свою солидарность передъ лицомъ этой опасности ...»³⁾. Правительство обращается съ призывомъ къ революціоннымъ массамъ въ Германіи ...»

Въ это время германскій народъ самъ, безъ содѣйствія московскихъ правителей, нѣрпѣе, вопреки ему, разрѣшалъ вопросъ своего бытія. Группа Либкнехта (спартаковцы), поддерживаемая большевническимъ золотомъ, въ концѣ декабря произвела возстаніе, кроваво подавленное войсками, вѣрными правительству; вожди независимыхъ — Либкнехтъ и Роза Люксембургъ были убиты; созванное на 6 января 1919 г. Национальное Собраніе установило новую конституцію германской республики. Первому правительству ея пришлось скоро (въ февралѣ) напрячь большія усилія къ подавленію новаго возстанія спартаковцевъ, охватившаго Баварію, но это была уже послѣдняя серьезная вспышка воинственнаго коммунизма.

Революція охватила только страны побѣжденныхъ. Психологія побѣдителей оказалась не воспримчивой къ проповѣди крушенія современнаго государственнаго строя. Но и тамъ, въ странѣ побѣжденныхъ событія протекали иначе, чѣмъ въ Россіи: Германія, за ней Венгрія, въ силу индивидуальныхъ чертъ народнаго

¹⁾ Радиограмма отъ 1 ноября.

²⁾ Радиограмма отъ 12 ноября.

³⁾ Начавшіяся столкновения между герм. солдатами и русскими большевиками въ оккупационной зонѣ.

характера, особенностей социально-экономического строя и не без влияния наглядных результатов русского опыта, избѣгли участи, предназначенной судьбою русскому народу.

Это обстоятельство похоронило надолго надежды московских коммунистов на близкую возможность мирового пожара.

* * *

Не достигнув желательных результатов въ сношеніяхъ съ центральной германской властью, совѣтское правительство обрушилось всеми средствами агитации и пропаганды на войска Восточнаго австро-германскаго фронта. Делегации, воззванія, телеграммы внушали фронту идеологию и практику русскаго большевизма, въ томъ числѣ необходимость «расправиться со своими офицерами и генералами, такъ какъ только вступленіе во власть солдатъ и рабочихъ вызоветъ довѣріе въ пролетаріатъ Англии и Франціи, и опъ заставитъ свои правительства заключить почетный миръ...» Ставились общія задачи и болѣе активныя: «... Въ Россіи, на Украинѣ, на Дону и въ Кубанской области есть хлѣбъ для насъ и для васъ. Поэтому-то англичане спѣшатъ, чтобы помочь генераламъ Скоропадскому, Краснову и Деникину вырвать хлѣбъ у рабочихъ. Если вы хотите хлѣба, то спѣшите дѣйствовать. Германскіе рабочіе и солдатскіе и матросскіе совѣты должны немедленно по радиотелеграфу приказать находящимся на Украинѣ частямъ напасть на красновскія банды, въ то время, какъ Красная армія атакуетъ (ихъ) съ сѣвера... Совмѣстно мы можемъ въ двѣ недѣли раздавить ихъ...»

Все эти призы, влияя на ускореніе общаго развала австро-германскаго фронта, безсильны были, однако, побудить къ дѣйствіямъ людей, все помыслы которыхъ были направлены къ возвращенію на родину, объятую пожаромъ, къ своимъ очагамъ, затеряннымъ въ его пламени и дымѣ. Этотъ моментъ въ психологій оккупационныхъ войскъ на западѣ Россіи сыгралъ такую же рѣшающую роль, какъ и въ чехо-словацкомъ движеніи на Востокѣ.

Не достигнувъ результата въ привлеченіи на свою сторону германскихъ войскъ, совѣтская власть вскорѣ измѣнила тактику: московское радіо стало разносить по свѣту воззванія новоявленныхъ «рабочихъ и крестьянскихъ правительствъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи» и проч., возникшихъ на стогахъ Москвы и требовавшихъ скорѣйшаго ухода оккупационныхъ войскъ.

Развалъ разноязычной, разноплеменной австрийской арміи, съ потерей идеи общей государственности, проявился немедленно и окончательно. На пространствахъ отъ Елисаветграда до Одессы и до Новоселицъ, распущенныя банды австрийцевъ, при содѣйствіи темныхъ элементовъ русскаго населенія, иногда при участіи крестьянъ цѣлыхъ деревень, стекавшихся къ городамъ и станціямъ, жгли, грабили магазины, базисные склады, запасы спирта и въ пьяномъ угарѣ учиняли погромы. Австрийскіе офицеры, бросивъ свой походный скарбъ, бѣжали сотнями въ зону германской оккупации. Командующій австрийскими войсками въ Одессѣ покончилъ съ собой, не вынеся картины развала. Австрийскія оккупационныя войска сразу перестали играть роль внѣшняго военно-политическаго фактора въ «русскомъ вопросѣ», увеличивъ лишь собою ряды разбойной вольницы, поддерживавшей въ краѣ анархію.

Германскія войска не избѣжали общей участи, воспринявъ все внѣшнія формы русской «революционной арміи». Съ разныхъ сторонъ шли вѣсти о разложеніи нѣмецкихъ частей, о волненіяхъ, митингахъ, оскорбленіяхъ, убійствахъ офицеровъ, самовольномъ уходѣ частей изъ занятыхъ районовъ и повальномъ дезертиствѣ солдатъ, торопящихся на родину. Одновременно шла широкая спекуляція и распродажа военнаго имущества, лошадей, оружія и даже пушекъ.

Все это было.

Но было и другое: въ мятущейся солдатской массѣ шла внутренняя борьба анархическаго мятежнаго начала съ врожденной дисциплиной нѣмецкаго ума и духа, не позволившей переступить ту послѣднюю грань, за которой начинается самоубійство арміи и націи. Германская армія перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крѣпкая и организованная, чтобы въ минуту отчаянія проложить себѣ путь на родину. Правительство Эберта - Гаазе - Шейдемана требовало отъ арміи, чтобы, «несмотря на всѣ обстоятельства, военная дисциплина и уголовный кодексъ сохранялись въ неприкосновенности». Изъ Ковно, Кіева и другихъ военныхъ центровъ, изъ высшихъ совѣтовъ солдатскихъ депутатовъ раздавался трезвый голосъ о поддержаніи порядка. «Мы твердо рѣшили удалить изъ своей среды всѣ элементы, могущіе вредить социалистической идеѣ солдатскихъ депутатовъ, но... энергично протестуемъ противъ всякаго большевnickаго движенія въ нашей средѣ... Мы не допустимъ надъ собой насилія никакаго террористическаго меньшинства» — писалъ въ воззваніи - приказѣ Ковенскій совѣтъ. Словно по внушенію, почти всѣ солдатскіе комитеты выносили резолюціи, сводившіяся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) сохранить организацію планомѣрнаго очищенія оккупированной территоріи и правильной отправки войскъ въ Германію; 2) до своего ухода оказывать противодействіе наступленію совѣтскихъ войскъ; 3) въ случаѣ внутреннихъ возстаній держать нейтралитетъ.

Въ ноябрѣ начался исходъ.

Даже въ техническомъ только отношеніи это была задача огромной трудности. Ибо на территоріи пылающей Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго морей стояла еще полумилліонная армія — 36 австро-германскихъ дивизій, удаленныхъ отъ своихъ государственныхъ границъ отъ 600¹⁾ до 3½²⁾ тысячъ верстъ.

ГЛАВА II.

Внутреннее и военно - политическое положеніе совѣтской Россіи къ концу 1918 года.

Къ 1919 году положеніе совѣтской Россіи во мнѣніи не только враговъ коммунистической власти, но и правителей ея, представлялось глубоко безотраднымъ. Въ странѣ не было свободной печати, но и казенная, и подневольная³⁾ изводила въ день рисовала картину полнаго и безнадежнаго развала всѣхъ сторонъ народной жизни. Совѣтскіе правители въ своихъ многочисленныхъ выступленияхъ подъ маской официальнаго оптимизма не могли скрыть своей глухой тревоги. Перечитывая теперь, спустя нѣтъ всѣ эти поблекшія отъ времени и «проявленныя» въ нѣкоторой исторической перспективѣ страницы — свидѣтельства нашихъ тогдашнихъ настроеній, видишь, насколько далеки были и мы, и они отъ правильной оцѣнки мощныхъ туковъ російской пачвы, которую не можетъ обезплодить въ конецъ даже самое варварское, истребительное хозяйничанье; отъ оцѣнки неисчерпаемыхъ богатствъ, накопленныхъ вѣками трудомъ народа и расточаемыхъ трутнями и хищниками смутнаго времени; необыкновенной живучести народнаго организма, противостоящаго невгодамъ ряда лѣтъ войны, голода, мора, моральнаго и физическаго рабства; наконецъ, какъ далеки мы были отъ пониманія того безграничнаго долготерпѣнія и непротивленія русскаго народа, съ которымъ онъ несетъ свое постылое ярмо!..

Всѣ отрасли народной хозяйственной жизни шли къ окончательному упадку, ведя къ продовольственному и товарному голоду и къ параличу транспорта. Го-

¹⁾ Псковъ — Вержболово.

²⁾ Тифлисъ — Калішъ.

³⁾ «Правда», «Извѣстія», «Сѣв. Коммуна», «Экономич. Жизнь» и т. д.

сударственные финансы держались только мощностью печатных станков¹⁾ и инерцией общественного доверия к государственным денежным знакам старого образца. Достоинно внимания, что с 25 октября 1917 г. до апреля 1919 г. советское правительство не рѣшалось подвергнуть испытанію доверіе страны к «рабоче-крестьянской власти» и печатало фальшивые билеты Временнаго и Царскаго правительства — по старымъ клише, со старыми годами, дублируя нумерацию, и за подписью «царскаго» министра и управляющаго государственнымъ банкомъ Шипова...

Немногочисленный правящій классъ—коммунисты, составлявшіе едва 1/2% населенія советской Россіи, изображали изъ себя въ странѣ осажденный лагерь. Московская власть кроила по живому тѣлу страны «новыя, небывалыя формы организаціи», издавала и отмѣняла декреты и одновременно вела борьбу противъ всѣхъ. Борьбу противъ самовластья мѣсть, гдѣ комиссары, комитеты, совѣты съ ихъ чрезвычайными комиссіями «расхищали власть центра», проявляя нетерпимый областной (мѣстный) партикуляризмъ... Гдѣ, по выраженію Ленина, «правила не коммунистическая партія, а просто трехвостка...» Откуда, съ низовъ общественной іерархіи, изъ волости доносился вопль: «члены совѣтовъ губяютъ насъ, насплюютъ нашу волю, надъ нами издѣваются, какъ надъ бессмысленными скотами...»²⁾ Борьбу съ фабрично-заводскими комитетами, отстаивавшими свои элементарныя права противъ кабальной системы, введенной коммунистической администраціей фабрикъ и заводовъ, права на личную свободу, на «вольный трудъ» и голодный паекъ, введенный въ первую треть 1919 года до размѣровъ 30% минимальной потребности... Борьбу съ кооперацией, которая декретомъ 20 марта 1919 г. была обращена въ государственный аппаратъ, съ мертвящей рутинной советскаго бюрократизма... Продолжалась борьба — широкая, вооруженная — власти и города противъ деревни... Вооруженный пролетаріатъ шелъ походомъ на деревню не только за хлѣбомъ, но и за землей: удержаніе въ рукахъ государства значительной земельной площади (совхозы), официально объявлявшееся соображеніями государственнаго порядка, имѣло обоснованіемъ чисто классовыя соображенія: «надо закрѣплять и поддерживать движеніе рабочихъ на землю безъ разрыва съ фабрикой» — комментировалъ Ленинъ советскій декретъ. «Рабочій заинтересованъ въ производительности завода, несущей ему освобожденіе отъ невыносимаго гнета продовольственной диктатуры деревни...» Деревня оборонялась по своему: пассивно — уменьшеніемъ общей запашки до 40% и сокращеніемъ посѣвовъ техническихъ растений до 75%; активно — «голодными бунтами» въ уѣздахъ сѣверной и центральной Россіи, непрекращавшимися крестьянскими возстаніями, охватившимъ Московскую, Тамбовскую, Смоленскую, Рязанскую, Костромскую и друг. губерніи. Наконецъ, борьба жестокая, истребительная продолжалась противъ русской буржуазіи, интеллигенціи, людей науки и литературы, служителей церкви, бывшаго офицерства. Словомъ, «борьба противъ Бога, человѣка и природы». Терроръ «Че-ка» попрежнему не зналъ границъ въ числѣ своихъ жертвъ и въ жестокости мучителей.

Не избѣгли гоненія советской власти и социалистическія партіи, бывшія на полулегальномъ положеніи до февраля 1919 г., когда имъ былъ нанесенъ большой ударъ многочисленными арестами видныхъ членовъ. Съ тѣхъ поръ прекратилась всякая легальная дѣятельность въ советской Россіи соц.-рев. и соц.-дем. и органы ихъ ушли въ подполье. Тѣмъ болѣе страннымъ представлялся тотъ поворотъ въ партійныхъ взглядахъ и тактикѣ этихъ партій, который привелъ ихъ къ безрезультатнымъ попыткамъ соглашательства и къ отказу отъ вооруженной борьбы съ большевиками.

¹⁾ До большевизкаго переворота всѣхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи страны было до 25 миллиард. руб. Въ 1917 г. большевики выпустили 29 миллиардовъ.

²⁾ № 15 «Извѣстій» 19 г.

Официально въ постановленіи московской конференціи соц.-рев., состоявшейся 6—9 февраля 1919 г., мотивы такого рѣшенія приведены были слѣдующіе¹⁾:

« ... 4. Все болѣе объединяющаяся буржуазно-помѣщичья реакція, питаясь методами большевпцкой власти и опираясь на поддержку союзнаго имперіализма, стремится возстановить въ Россіи до-революціонные порядки и ввергнуть страну во власть монархической реставраціи. Непримиримая борьба съ ней трудящихся классовъ диктуется ихъ жизненными интересами ... »

« ... 8. Конференція рѣшительно отвергаетъ попытки сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей силѣ контръ-революціи служитъ только на пользу послѣдней и используется реакціонными группами въ цѣляхъ реставраціи ... »

Позиція соц.-дем. меньшевиковъ въ этомъ вопросѣ была болѣе туманной, хотя и приводила къ тѣмъ же результатамъ. Лидеръ меньшевиковъ Данъ говорилъ обратившемуся къ нему представителю Національнаго центра: « ... Мы не считаемъ возможнымъ сохранить нашъ прежній нейтралитетъ по отношенію къ той или иной части демократіи, которая связываетъ себя съ союзниками, потому что объективно эта часть демократіи теперь становится врагомъ революціи ... Мы стоимъ за такое Учредительное Собраніе, которое рождено революціонной волей. А чтобы создать такую волю, необходимо прекратить, прежде всего, гражданскую войну между двумя частями демократіи — крестьянствомъ и пролетаріатомъ. Навязать эту волю силой пролетаріату нельзя. Поэтому наша тактика должна быть направляема къ тому, чтобы рабочіе большевики сами бы пришли къ необходимости соглашенія съ другими частями демократіи. Вотъ почему, мы являемся рѣшительными противниками сверженія большевиковъ вооруженной силой въ союзѣ съ имущими классами ... »

Безъ сомнѣнія, такая мотивировка была не искренней. Она прикрывала моральное и политическое безспіе и одиночество революціонной демократіи. Исторические и социальные процессы привели къ созданію на территоріи Россіи трехъ разнородныхъ вооруженныхъ силъ: Бѣлой, Красной и Зеленой армій. Ни въ одной изъ этихъ силъ революціонная демократія не могла создать себѣ не только политическаго главенства, но и сколько-нибудь прочнаго вліянія. Ходомъ событий она была отброшена поэтому въ сторону отъ поля битвы, не переставая, однако, и затѣмъ наносить извнѣ удары, направленные по преимуществу въ сторону бѣлаго движенія.

Тяжело было положеніе совѣтской власти и въ области международныхъ отношеній: послѣ паденія центральныхъ державъ измѣнился составъ внѣшнихъ фронтовъ, но блокада — политическая, экономическая, моральная и стратегическая замкнулась окончательно, отрѣзавъ совѣтскую Россію отъ внѣшняго міра.

Въ октябрѣ 1919 г., давая отчетъ о внѣшней политикѣ совѣтовъ за два минувшихъ года, Чичеринъ характеризовалъ ее, какъ отчаянныя попытки «вырваться изъ изолированнаго положенія». До осени 1918 г., въ періодъ полной ненадежности государственнаго аппарата и армій, это было достигнуто цѣною Брестъ-Литовска, используя противоположеніе интересовъ Согласія и центральныхъ державъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось близкое крушеніе Германіи, совѣты комиссаровъ начали всевозможныя попытки сблизенія съ державами Согласія, впоследствии и съ западными новообразованіями, цѣною хотя бы тяжелыхъ матеріальныхъ и территоріальныхъ компенсацій.

Совѣтская власть отнеслась съ серьезнымъ безпокойствомъ къ новой военно-политической конъюнктурѣ. Въ своемъ докладѣ 6-му съѣзду совѣтовъ въ концѣ октября Бронштейнъ говорилъ: «въ связи съ зримымъ временемъ, на сверѣ намъ

¹⁾ Позднѣе, во второй половинѣ іюня подтверждено 9-мъ совѣтомъ партіи.

опасность не грозить, (но) на южномъ фронтѣ до сихъ поръ дѣла обстоятъ плохо... На югѣ намъ грозить объединеніе нѣмецко-красновскихъ бандъ съ французско-бельгійско-алексѣевскими...» Въ началѣ октября Чичеринъ опубликовалъ въ московскихъ «Извѣстіяхъ» свою ноту президенту Вильсону, составленную въ обычномъ стилѣ большевnickаго лживаго пафоса: «... мы готовы... заключить перемиріе, если вы намѣрены удалить войска съ Мурмана, Архангельска и Сибири. Мы согласны заключить миръ, но ставимъ слѣдующій вопросъ: намѣрены ли правительства Сogласія перестать требовать крови русскаго народа, если оны согласится уплатить и откупиться отъ нихъ... Если да, то какую дань требуютъ союзники концессіями, рудниками, принсками и территоріей. Если вы не дадите отвѣта, то народъ русскій пойметъ, что условія Сogласія столь тяжелы, что вы не желаете даже сообщить ихъ русскому правительству...»

Нота эта, предназначенная, очевидно, исключительно для агитаціи, осталась безъ отвѣта.

21 октября Чичеринъ вновь уже въ болѣе корректныхъ выраженіяхъ обратился по радіо къ державамъ Сogласія, «желая положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ», съ запросомъ — когда и куда должны прибыть совѣтскіе представители для переговоровъ...

Въ то же время (конецъ октября) всероссійскій ц. и. к. принялъ резолюцію объ аннулированіи Брестъ-Литовскаго мира...

Наконецъ, въ нотѣ отъ 4 февраля совѣтское правительство пошло на полную капитуляцію: оно предлагало за миръ «признать свои финансовыя обязательства по отношенію всѣхъ кредиторовъ, какъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ союзныхъ державъ», выражало готовность «предоставить концессіи на рудники, лѣса и т. д. гражданамъ союзныхъ державъ», и даже... «вести переговоры съ союзными державами по вопросу о территориальныхъ уступкахъ».

Эти попытки чередовались, впрочемъ, съ рѣзкими призывами московскаго радіо отъ имени III интернаціонала¹⁾, коммунистической партіи и отдѣльныхъ представителей совѣтской власти — призывами къ низложенію буржуазныхъ правительствъ Европы, для которыхъ персонально и огульно въ большевnickомъ лексиконѣ находились самыя презрительныя опредѣленія. Въ то же время между совѣтомъ комиссаровъ и германскимъ правительствомъ по официальной большевnickой терминологіи — «соціалъ-предателями и палачами» — шли также переговоры: тайно — о политическомъ и военномъ соглашеніи и открыто — о восстановленіи экономическихъ отношеній обонхъ государствъ. Особенность новаго «пролетарскаго» языка и приемовъ большевиковъ перестали, повидимому, смущать реальныхъ политиковъ запада, привыкшихъ по традиціи облекать въ изысканную форму даже тягчайшіе акты насилія и теперь искавшихъ безнадежно выхода въ игръ, небывало запутанной и осложненной грубымъ политическимъ и социальнымъ шантажемъ.

Всѣ эти многократныя попытки сближенія съ державами Сogласія оставались безъ результата, свидѣтельствуя лишь о томъ, въ какомъ тяжеломъ внутреннемъ и международномъ положеніи находилась тогда совѣтская Россія, и какія, поэтому, огромныя объективныя возможности имѣли союзники для разрѣшенія русскаго вопроса.

Эти неудачи, по словамъ Чичерина, поставили передъ большевиками вопросъ о рѣшеніи восточной проблемы, какъ единственнаго способа борьбы съ сильными империалистическими державами.

«Революція на западѣ замедлилась. Мы должны зажечь востокъ, поднять бѣдноту Турціи, Персіи, Индіи, поднять Афганистанъ!...»²⁾.

¹⁾ Образовался на съѣздѣ въ Москвѣ въ мартѣ 1919 г.

²⁾ Подвойскій.

Тѣмъ временемъ въ началѣ 1919 года завершилась и стратегическая блокада совѣтской Россіи. Намѣрошія противниковъ были совершенно не ясны совѣтской власти, силы ихъ оставались невыясненными. Въ сохранившемся боевомъ расписаніи большевщскаго ген. штаба въ серединѣ января онѣ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1. Сѣверный фронтъ (отъ Мурмана до Печоры) 57 955 штыковъ.
2. Финляндскій фронтъ 55 800 штыковъ.
3. Западный фронтъ (отъ Финскаго залива до Риги и до Мозыря) 20½ пѣх. дивизіи и 1 кавал. дивиз., изъ которыхъ 12 пѣх. и 1 кав. — германскія, прочія — «бѣлогвардейскія».
4. Германско-украинскій фронтъ (отъ Мозыря до Азовск. моря) 17 пѣх. дивиз. и 4 кав. дивиз.
5. Донской и Добровольческій фронтъ (по совѣтскимъ границамъ Донск. обл. и между Азовскимъ и Каспійскимъ морями) 51 пѣх. див. и 32 кав. дивиз.
6. Восточный фронтъ (отъ Верхотурья до Гурьева) 35½ пѣх. див., 17½ к. д.

Число дивизій у враговъ совѣтской власти, какъ увидимъ ниже, было фактически меньше, внушительныя названія «дивизія» нерѣдко на русскихъ фронтахъ носили части не свыше тысячи штыковъ... Но, тѣмъ не менѣе, въ тѣсномъ кольцѣ, сжимавшемъ со всѣхъ сторонъ совѣтскую Россію, стояло подъ ружьемъ до полумилліона враговъ; всѣ пять морей и два океана находились во власти флота Согласія, а въ портахъ Бѣлаго и Чернаго морей и Великаго океана высаживались международные десанты союзниковъ...

Предстояла борьба тяжелая, борьба за самосохраненіе и за власть коммунистической партіи, роковымъ образомъ ставившая на карту судьбы всего русскаго народа.

Одно изъ могучихъ средствъ борьбы — пропаганда — велась большевиками въ размѣрахъ небывало широкихъ. Она проникала всевозможными путями въ ряды оккупационныхъ и бѣлыхъ войскъ и въ занятые ими районы. По мнѣнію совѣтскихъ военныхъ авторитетовъ эта работа «играла рѣшающую роль въ организациіи побѣды красной арміи».

«Буржуазію мы не находили нужнымъ привлекать на свою сторону, — говоритъ совѣтскій офиціозъ¹⁾. — Правда, дѣлались попытки разложить буржуазію, вѣрнѣе, тѣхъ, кто находился у нея въ услуженіи: часть офицерства дѣлались предложенія о переходѣ на сторону совѣтской власти...» Въ центрѣ тяжести агитациіи и пропаганды былъ перенесенъ въ рабочую и крестьянскую среду.

Отдавая пальму первенства въ техникѣ веденія пропаганды буржуазнымъ государствамъ и, въ частности, Франціи, передъ которой «мы жалкіе пигмен», Бронштейнъ поясняетъ: «дѣло не въ томъ, что мы выдумали пропаганду... дѣло даже не въ методахъ, которые значительно болѣе совершенны у нашихъ противниковъ, а дѣло въ классовомъ содержаніи, въ той идеологіи, которой мы насытили свою пропаганду». И хотя, по словамъ Ленина, круто мѣнявшаго въ 1919 г. крестьянскую политику, «классы нельзя обмануть», хотя суровая дѣйствительность стояла въ разительномъ, вопіющемъ противорѣчій съ оболъетительными посулами большевщской пропаганды, но она имѣла дѣйствительно извѣстный успѣхъ, не только въ силу ошибокъ, проявленныхъ противниками совѣтской власти, но и потому, что не встрѣчала равноцѣпныхъ по демагогической сущности общаній съ другой стороны, потому, что не улеглась еще вырвавшаяся изъ береговъ народная стихія.

¹⁾ Офиц. сборникъ «Высш. воен. - революц. совѣта».